

сийской Федерации [Электронный ресурс] // <http://ufmsoren.ru/news/2014/10/20141009.htm>.

16. Положение о «Центре социальной адаптации трудовых мигрантов г. Оренбурга ФГУП «ПВС» ФМС России» // Данные текущего «Центра социальной адаптации трудовых мигрантов г. Оренбурга ФГУП «ПВС» ФМС России».

17. Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Интеграция мигрантов в республиках Поволжья как проблема общественного восприятия и общественно-государственного партнерства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12. Ч. 4. С. 47–50.

18. Хуснутдинова Л.Г. Модели интеграции мигрантов в Приволжском Федеральном округе // Этнопанорама. 2015. № 1–2. С. 76–85.

19. Хуснутдинова Л.Г. Интеграция приезжих в местное сообщество (на примере Республики Башкортостан, Пермского края, Оренбургской области) // Служба занятости. 2016. № 2. С. 24–27.

20. Хуснутдинова Л.Г. Деятельность национально-культурных объединений в интеграции и адаптации мигрантов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016, № 2 (15). С. 60–65.

Статья публикуется при финансовой поддержке РГНФ и РБ «Урал: история, экономика, культура» научного проекта № 15–11–02004 «Место и роль региональных и муниципальных органов власти в интеграции мигрантов в местное сообщество (на примере Республики Башкортостан, Пермского края, Оренбургской области)» и научно-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области)».

INTEGRATION AND ADAPTATION OF MIGRANTS FROM OTHER CULTURES IN THE URAL-VOLGA REGION

© 2016

L.G. Khusnutdinova, candidate of history sciences, associate professor of History and Political Science Department
Ufa State Petroleum Technological University, Ufa (Russia)

Abstract. The adaptive processes of migrants are quite complex and are caused by a variety of economic, social, cultural, educational factors, and problems. An important condition for the successful adaptation of migrants is their legalization, i.e. migration registration and statutory permits (work permits or patents). Knowledge of the Russian language makes it possible to get information about employment regulations in Russia, increases the chances of obtaining legal work, reduces dependence on fellow countrymen in employment and advancement, enhances contact with the local population, ensures the implementation of the rights of migrants to vocational training, medical care and so on. Based on the results of opinion polls, as well as our own field materials collected in 2014–2015, this article examines the integration and adaptation of migrants in the Republic of Bashkortostan and Tatarstan, Perm Krai, Samara, and Orenburg regions, a complex ethnic and confessional composition of the population of the Russian regions. The studied regions experienced positive gains in implementing national policies at the level of the subject of federation and the whole of the Ural-Volga region. The active and successful operation of the municipal and regional authorities led to the integration of migrants into the local community. Of course, the Ural-Volga region has a positive image, which is based primarily on socio-economic, cultural, sports and other achievements as well as on good governance at the local level. This experience needs to be studied and spread to other regions of Russia.

Keywords: migration; migrant workers; adaptation; integration; social culture; social institutions; region; country; state.

УДК 069.01

«МУЗЕЙНЫЕ ГРАНИЦЫ» И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

© 2016

И.А. Гринько, кандидат исторических наук, заведующий центром изучения и проектирования музеев
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва,
Москва (Россия)

Аннотация. Классик теории конструктивизма Бенедикт Андерсон, описывая структуру нациестроительства, выделил в этом сложном процессе музей и карту как одни из ключевых инструментов. Сегодня музей и карта по-прежнему играют важную роль в формировании самых разнообразных идентичностей. Однако современные музеи не ограничиваются исключительно картами, но и активно используют даже образ границы. Данный образ может формироваться за счет целого ряда музейных приемов – от использования реальных объектов, связанных с пограничьем, до концептуальных приемов в сценариях экспозиций и оригинального этикетажа. В статье на полевых материалах из музеев Восточной Европы и России будут показаны схемы использования образа границ в музейном пространстве и его основные функции: визиотип территории и символ ключевых событий.

Образ границы является довольно интересным музейным инструментом и, безусловно, может быть использован во многих экспозициях. Однако хотелось бы обратить внимание на главный эффект его применения. Граница в музейном пространстве становится очень сильным образом, который отнюдь не разделяет, а наоборот, объединяет и повышает эмпатию посетителя по отношению к описываемым событиям.

Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17)

149

Ключевые слова: музей; музейное проектирование; музейный образ; музейная экспозиция; идентичность; региональная идентичность; нация; границы; фронтир; визиотип территории; хронотоп; постсоветское пространство; Восточная Европа; Польша; Эстония; Латвия; Венгрия; Германия.

Постановка проблемы. Тема пограничья в последнее время становится всё более популярной в научных исследованиях, однако для музеологии она остается относительно новой. Тем не менее границы и пограничья, как и любые другие реалии нашей жизни, требуют своей музеефикации.

В 2016 году крупнейший российский фестиваль «Интермузей», пусть и с опозданием на несколько лет, обратился к теме «Музеи без границ». Однако, несмотря на внезапную популярность в России этого стабильного мирового тренда, в данной статье хотелось бы осветить прямо противоположную и не менее актуальную тему – музеи с границами.

Музей изначально является пространством пересечений множества пограничий: между настоящим и прошлым, между посетителем и экспонатом, между реальной жизнью и музейной экспозицией. Однако хотелось бы сконцентрироваться не на этом важном культурном феномене и не на музеях пограничных войск, в изобилии имеющих на постсоветском пространстве. Ключевые вопросы данной статьи – как образ границы может быть использован в обычной музейной экспозиции, и какие функции он способен выполнять.

На первый взгляд, во время глобализации и постепенного исчезновения самого института границы данный разговор выглядит странным, однако только в одной Германии насчитывается 22 музея, посвященных истории так называемой внутренней границы, государственной границе между ФРГ и ГДР. Впрочем, только этим тема границы в немецких музеях не исчерпывается. Не менее тщательно музеефицированы и лимес, граница Римской империи. В Бад-Хомбурге была полностью восстановлена римская крепость Залльбург, в Аалене создан специальный музей лимеса, а в дополнение к нему археологический парк. Вайсенбург открыл музей римской культуры и информационный центр лимеса.

Функционал же этот не только разнообразен, но и крайне актуален для региональных музеев Российской Федерации. Причин этому как минимум три. Во-первых, в 1990-е года после распада СССР сразу несколько регионов (Самарская, Оренбургская, Воронежская, Белгородская, Астраханская, Псковская области, республики Северного Кавказа) внезапно после долгого перерыва снова оказались пограничными территориями и вынуждены снова привыкать к этой роли [1] и осмысливать её [2]. Впрочем, этой ситуацией всё многообразие культурных границ и связанных с ними музейных практик, безусловно, не исчерпывается [3].

Во-вторых, границы территории и их образ в массовом сознании являются одним из важнейших элементов при формировании прочной региональной идентичности, что служит одним из залогов успешного социально-экономического развития территорий [4].

В-третьих, из российского исторического нарратива практически исчезла тема «фронттира», границы между освоенными и неосвоенными поселенцами землями, а между тем он так или иначе пролегал через многие регионы России. Сейчас тема истории россий-

ского фронттира и использования его образа активно разрабатывается [5; 2; 6], и этот исторический феномен также требует осмысления в музейном пространстве. Кроме того, этот исторический образ мог бы также быть использован для укрепления региональных идентичностей, брендирования территорий и активизации туристической деятельности, что в условиях социально-экономического кризиса могло бы стать сильным драйвером для развития регионов.

Однако для того, чтобы региональные музеи начали работу над этой темой, требуется анализ зарубежного опыта и его переосмысление применительно к российским реалиям. В противном случае можно столкнуться с ситуацией, когда, например, Музей засечной черты превращается, вместо оригинального социокультурного проекта, в очередной музей боевой славы, никак не способствующий улучшению ситуации на территории.

История и методология вопроса, цель и задачи исследования. Несмотря на то, что проблемы музеефикации пограничья уже поднимались в отечественной музеологии и антропологии [7; 3], конкретно вопросы использования образа границы в музейном пространстве не анализировались. Автор статьи косвенно обращался к данной проблематике ранее [8], однако с точки зрения функционала карт в различных аспектах музейной деятельности и влияния использования карт в музее на формирование современных идентичностей.

Аналогичная ситуация сложилась и в западной научной литературе. Довольно часто освещаются общие вопросы, связанные с тем, как музей формирует или разрушает границы [9], а иногда внимание привлекает проблема отображения в музее культурных пограничий [10]. В последнее время большое внимание стало уделяться образу места в музейном пространстве и его влиянию на формирование разнообразных идентичностей [11], однако эти работы основываются прежде всего на западноевропейском опыте, который пока не всегда актуален для российских реалий.

Цель данного исследования – изучение ключевых элементов в формировании современных идентичностей и расширение инструментария отечественных музеев.

Задачи исследования включают анализ использования образа границы в современных музейных практиках Восточной Европы и систематизацию его функций.

Анализ данных. Музеи Восточной Европы интересны для анализа по трем ключевым причинам. Во-первых, они стали одной из основных площадок в мире, где активно происходил и происходит до сих пор процесс формирования новых идентичностей как на основе опыта старой государственности, так и без него [12; 13]. Во-вторых, принципиально важно, что музеи из этого региона стабильно демонстрируют высокий класс и получают европейские музейные награды. Только за последние 10 лет в Восточную Европу дважды отправлялась награда лучшему музею года (*The European Museum of the Year Award (EMYA)*), ко-

торию получил Музей истории польских евреев (Варшава, 2016) и Музей КУМУ (Таллин, 2008) и приз Кеннета Хадсона, который завоевали Мемориал Яниса Липке (Рига, 2013) и Музей разбитых сердец (Загреб, 2009). В-третьих, эти страны близки Российской Федерации по социально-экономической ситуации.

1) Визитип территории

Границы являются одним из главных инструментов для создания визитипа территории [14], а с точки зрения визуального восприятия контурная схема границ территории важнее, чем карта, поскольку направлена на сиюминутное образное восприятие. Верно заметил С.Н. Ушакин: «Воображение играет ключевую роль и в поддержании идеи исторической «незыблемости» (фактически подвижных) границ национального «тела». ...Идея целостности (воображаемого) тела нации сливается с идеей государственного суверенитета» [15, с. 21]. Именно поэтому в музеях Восточной Европы мы часто встречаем активное использование границ в самых разнообразных форматах.

В Национальном Мемориале на Виткове (Чехия) границы республики использованы как в напольном дизайне, так и для создания декоративных арт-объектов. Польские этнографические музеи в Варшаве и Кракове использовали карту границ Польши для оформления этикеток, причем данный прием оказался довольно эффективным, поскольку посетителю легче понять, из какого именно района страны происходит тот или иной экспонат. В Эстонском историческом музее (Таллин), в разделе экспозиции, посвященной истории городов, образ Эстонии применялся для дизайна витрин. При этом на условную карту страны были нанесены основные города.

Иногда подобный дизайн становится символическим вдвойне. Так, выставку, посвященную Первой мировой войне в Военном музее Чехии, предваряла большая фотография военной демонстрации в Праге, которая была вырезана по границам Чехии. Завершала же эту выставку аналогичная фотография послевоенной демонстрации, но теперь её рамками служили границы объединенной Чехословакии.

Еще более сложная систем применена в Военном музее Латвии (Рига). Там карты фактически играют роль экспликаций для разделов, посвященных периоду гражданской войны в Латвии. В зависимости от периода и ситуации каждая карта по-разному показывает карту Латвии и территории, занятые латвийским, немецкими или советскими войсками.

Нельзя не отметить, что подобные схемы работают не только на национальном уровне. Музей города Загреба (Хорватия) использовал аналогичный прием на серии выставок, посвященной отдельным районам города: экспозиции сопровождалась контурами границ района, создавая фиксированный визитип локальной территории.

В Музее Фредерика Шопена (Варшава) образ территории переместился в виртуальное пространство – при работе с мультимедиа перед глазами посетителя постоянно находится карта Польши. Аналогичным образом поступили и в Эстонском историческом музее (Таллин): сразу при входе в постоянную экспозицию установлены дисплеи с историческими и современными картами Эстонии, где не только постоянно

повторяется визитип страны, но и показывается история его формирования.

В данном кейсе важно то, что и в музейном пространстве, и в массовом сознании история воспринимается как изменение границ, однако подобное упрощение и позволяет формировать устойчивые образы и визитипы территории. В связи с этим возникает следующая функция образа границы в музейном пространстве.

2) Граница как хронотоп

Образ границы всегда символизирует важную черту, грань, поэтому часто его применяют в тех случаях, когда надо не просто обозначить очередное изменение границ, но подчеркнуть его судьбоносное значение. Например, Музей истории польских евреев (Варшава) таким образом обыгрывает тему разделов Польши в XVIII веке. В зале, посвященном этому событию, визитипы Польши и её частей, отошедших другим государствам, расположены не только на стенах, но и пол визуально разделен на три части, еще раз напоминая о трагическом моменте в истории государства.

Уже упоминавшийся выше Военный музей Латвии использовал более сложный образ границы (пограничные столбы, шлагбаум и т.д.) в экспозиции для мемориализации событий 1940-ого года, когда Латвийская республика потеряла свою независимость.

Музей Армии Крайовой (Краков) включил образ границы, а точнее, её уничтожения для описания аналогичных событий сентября 1939 года. На крупной фотографии в центре экспозиции изображены военнослужащие Вермахта, уничтожающие пограничный столб на немецко-польской границе.

Важно отметить, что музейный образ границы может подчеркивать не только одномоментное событие, как в предыдущих кейсах, но и целую эпоху. Музей террора (Будапешт), посвященный периодам немецкой оккупации и социализма, таким образом описывает весь этот исторический отрезок, растянувшийся на несколько десятилетий. Рядом с музеем располагался фрагмент Берлинской стены, а неподалеку от него символический памятник, обозначающий «железный занавес», разделявший Европу.

Образ границы начинают использовать и музеи, на первый взгляд, не напрямую связанные с историей. Например, в Музее техники Вадима Задорожного (Московская область) установлен пограничный знак № 509 с участка пограничной заставы имени Г.Я. Варавина Львовского пограничного округа. 24 августа 1991 года над заставой был поднят украинский флаг, а герб СССР на знаке был заменен на символику Украины. Этот случай стал первым в истории случаем замены советской границы на пограничную систему независимых государств. Правда, нельзя не отметить, что данный знак фактически никак не связан с экспозицией, что сильно обесценивает его смысл.

Символическая граница появилась и в экспозиции Музея первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина (Екатеринбург), здесь она отделяет события 19–21 августа 1991 года от раздела, посвященного независимой России, и включена сразу в три смысловых поля. Технически она отмечает середину основной экспозиции, но помимо этого здесь символически указана черта между советской и российской

историей. Также возникновение новых государств после распада Советского Союза не обошлось без возникновения новых границ, и это подчеркивается в экспозиционном пространстве.

Хотелось бы обратить внимание на маркирование середины экспозиции, поскольку в некоторых случаях хронотоп является еще и принципиальным элементом экспозиционного сценария. Так, новый Музей эмиграции (Гдыня) принципиально начинает экспозицию с пограничных столбов, и это не только хронотоп, обозначающий начало первых массовых миграций из Польши, но и символ того, что посетитель сам примеряет на себя роль мигранта и переходит границу.

При этом, возможно, увлечение отображением границ в музейном пространстве может преследовать и еще одну цель – превращение их из предметов реальных в объекты мифологические, и таким образом способствовать их размытию.

Если посмотреть на объекты, связанные с внутренней границей, то можно заметить, что Музей Берлинской стены и его аналоги, расположенные на «внутренней границе», ориентированы не на разделение нации, а на формирование новой идентичности. Они показывают не разницу между двумя частями страны, а их единство и стремление к воссоединению. Более того, музеи начинают обыгрывать образ границы в юмористическом ключе. Так, уже упоминавшийся ранее Эстонский исторический музей поместил в постоянную экспозицию арт-объект с красноречивым названием «Глобус Эстонии». В новом Музее Франца Кафки (Прага) в форме границ Чехии выполнен фонтан, пикантность которому придают две мужские статуи, справляющие в него малую нужду. Подобные подходы позволяют по-новому взглянуть на идентичность и ценность границ в современном мире.

Заключение. Очевидно, что образ границы является довольно интересным музейным инструментом и, безусловно, может быть использован во многих экспозициях. Однако хотелось бы обратить внимание на главный эффект его применения. Граница в музейном пространстве становится очень сильным образом, который отнюдь не разделяет, а наоборот, объединяет и повышает эмпатию посетителя по отношению к описываемым событиям. Как ни странно, именно границы становятся символами новых идентичностей, причем не только национальных, но и локальных, и поэтому российским музеям стоит обратить внимание на новый инструмент, чтобы активнее включаться в социокультурные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Колосов В.А. Как изучать «новое пограничье» России? // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3 (6).

2. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 77.

3. Никишин Н.А. Музей в пограничном городе // Музей и этнология. М., 1997. С. 39–49.

4. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики / под ред. Кейта Динни; пер. с англ. Веры Сечной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

5. Дубман Э.Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012.

6. Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 101–112.

7. Мельникова Е.А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. № 25. СПб., 2015. С. 9–41.

8. Гринько И.А., Шевцова А.А. «Реанимируя Андерсона»: музей и карта в формировании современных идентичностей // Культурологический журнал. 2015. № 1 (19).

9. Golding V. Learning at the Museum Frontiers // Identity, Race and Power. Routledge, 2012.

10. Ballinger P. Lines in the Water, Peoples on the Map: Maritime Museums and the Representation of Cultural Boundaries in the Upper Adriatic // Narodna umjetnost: hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku, Vol.43 No.1 Lipanj 2006. P. 15–39.

11. Whitehead Christopher, Mason Rhiannon. Museums, Peoples, Places. European Museums and Identity in History // Museums in an Age of Migrations Questions, Challenges, Perspectives edited by Luca Basso Peressut and Clelia Pozzi. Milan, 2012.

12. Требст С. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего описания и категоризации // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. статей / сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Новое издательство, 2011. С. 142–181.

13. Чепайтене Р. Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; ред. кол.: А.И. Миллер, гл. ред., и др. М., 2013. С. 241–276.

14. Гусейнов Г.Ч. Карта нашей Родины: идеология между словом и телом. М., ОГИ, 2005.

15. Ушакин С.Н. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.

«MUSEUM BORDERS» AND NEW IDENTITIES

© 2016

I.A. Grinko, candidate of history sciences, head of Museum Research and Projecting Center
Russian Institute for Heritage Research, Moscow (Russia)

Abstract. Benedict Anderson named museum and map the main instruments in formation of national identity. Today we see a lot of new identities but the instruments are still actual.

In this article the author discusses the image of borders in contemporary museum space and its new functions. Today border in museum exposition appears in many variants (maps, pictures, elements of navigation, photo or installation) so it is interesting how this phenomenon is linked with new goals of museum in contemporary world and how it

influences new communities and its identities creation. The article is based on the field materials from the museums of Eastern Europe.

According to our research two main functions of border image in museum space are the visiotype of territory and hronotop of the most important events in national history. Despite its original sense and meaning today image of the border in museum can unite people and evoke empathy in visitors.

Keywords: museum; museum exposition; museum projecting; museum image; identities; nation; regional identity; borders; frontier; cultural boundaries; territory visiotype; hronotop; post-soviet countries; empathy; Eastern Europe; Poland; Estonia; Latvia; Hungary; Germany.

УДК 930.1

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА И И.А. ИЛЬИНА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ОТТОРЖЕНИЯ

© 2016

И.Л. Сокина, соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Аннотация. В данной работе представлен сравнительный анализ историософско-антропологических взглядов Н.А. Бердяева и И.А. Ильина в период кризиса историзма, когда русские мыслители одни из первых нащупали антропологическую основу исторического познания. Результаты сравнительного анализа показали, что, при определенной схожести в биографиях философов, у Бердяева апофеоз антропологии – это дерзновенный прорыв в «религиозную эпоху творчества», эпоху *третьего антропологического откровения*. Ильин же более узок в своем понимании антропологии – он вне внимания к началам и концам, его мечта – увидеть преобразенную Россию, свободную от коммунизма, обретшую свой национальный дух, превратившуюся в страну истинных патриотов и религиозно мыслящих людей с четким правосознанием, как выясняется, либерального толка. Важное расхождение между мыслителями: у Бердяева Русская идея мессианская, у Ильина скорее националистическая. У Бердяева смысл – выйти за рамки «русскости» во всеединство, не теряя своей национальности. Не случайно И.А. Ильин считал, что будущее России за национальной диктатурой, тогда как Н.А. Бердяев стоит на позициях христианского персоналистического социализма. То есть Ильин ратует за сильную власть, которая поведет народ к светлому будущему, а Бердяев скорее апеллирует к внутреннему катарсису народа, к христианскому преодолению внутренних противоречий и изъянов.

Ключевые слова: антропологические концепции; антропология; русская религиозная философия рубежа XIX–XX веков; Н.А. Бердяев; И.А. Ильин; кризис историзма; христианство; православие; государство; народ; ментальность; культурный код; русская идея; свобода; творчество; соборность; патриотизм.

Актуальность данной темы не вызывает сомнения. После развала Советского Союза не стало и главенствующей в стране идеологии – марксизма-ленинизма. Россия, как корабль без штурвала, нуждалась и до сих пор нуждается в новой идеологии, прежде всего – в обретении себя, то есть – в самоидентификации. Возврат к корням, в частности, к дореволюционно-постреволюционным взглядам, наработкам историков – философов по выявлению и расшифровке культурного кода России может помочь обрести нужный курс нашей стране. Не зря в сентябре 2013 г. в Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин сослался на «Философию неравенства» русского философа Николая Бердяева, а ранее в 2005 году, накануне возвращения праха И.А. Ильина на родину, процитировал мыслителя также в ежегодном послании Федеральному Собранию [1]. Признание творческого философского наследия эмигрантских писателей, знакомство с их мыслями на уровне государственном – важный посыл, обеспечивающий связь времен и возможность не повторять прошлых ошибок.

Задолго до «антропологического» и «культурологического» поворотов исторической науки русские эмигрантские авторы, в числе которых, безусловно, находятся Н.А. Бердяев и И.А. Ильин, разрабатывали методы познания социальной реальности, базировавшейся на идее «антропоцентричности» истории. В постсоветский период внимание к этой проблеме в числе первых проявили представители томской исто-

риографической школы, возглавляемой проф. Б.Г. Могильницким [2], по-своему – В.Б. Шепелева [3–8].

Как описывает Б.Г. Могильницкий в своем труде, основным элементом образа истории в XIX веке «явилось убеждение в научности истории, ее способности давать достоверное знание о своем предмете, не зависящее от субъективных пристрастий автора и носящее объективно-истинный характер» [9, с. 9]. Главная черта этого времени – вера в прогрессивный ход истории, в движение от худшего к лучшему, и европоцентризм, признание европейской цивилизации в качестве образца для подражания. Русская религиозно-философская мысль рубежа веков предложила альтернативу исторического познания, которую не заметили на Западе, а пришли к ней спустя сто лет через преодоление кантовского «критицизма» и гегелевского «рационализма».

Непосредственно сравнение философских взглядов Бердяева и Ильина можно найти у одного современного автора. Это Л.А. Гаман [10]. Она пишет, что философия Ильина и «его концепция советской истории оказалась значительно более односторонней», нежели концепция Н.А. Бердяева, стремившегося «встраивать» ее в «общее русло российского исторического процесса, как в позитивных, так и в негативных ее проявлениях» [11, с. 302]. В целом тема сравнительного анализа философских построений Н.А. Бердяева и И.А. Ильина мало проработана в отечественной историографии и поэтому является актуальной и интересной.